

оригинальная статья

Конституционно-правовые ценности либерализма и консервативная политическая традиция: диалектика конкурирующих парадигм

Ким Юрий Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-7389-7670>

Yu_kim@mail.ru

Поступила в редакцию 13.12.2022. Принята после рецензирования 09.01.2023. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: Оформляющаяся с начала нулевых годов XXI в. приверженность руководства страны и общества консервативной идее делает закономерным активизацию научного интереса к теоретическому наследию, созданному в рамках рассматриваемого направления философской и политико-правовой мысли, как отечественной, так и зарубежной. Не праздным является вопрос о том, какое информационное значение для науки конституционного права, практики государственного и конституционного строительства имеет обращение руководства страны к теме российского консерватизма при обсуждении вопросов стратегического развития России – директивный или же лишь рекомендательно-ориентирующий характер. К настоящему времени только обозначилась направленность возможного движения, сделаны очень приблизительные наброски. Пока что консервативно-ориентированной является лексика, а не практические шаги. Между тем явно вырисовывается глубокий антагонизм между прокламируемыми задачами на этот счет и либеральной моделью действующей Конституции РФ, а также вектором развития российской политической системы, тупиковый характер которого со всей очевидностью выявился задолго до ее принятия в 1993 г. В представляемом исследовании обосновывается настоятельная необходимость в глубокой и системной работе по освоению научного наследия, накопленного отечественной консервативной традицией, и трансформации его в программу конкретных шагов. В центре внимания статьи находится творческое наследие Н. Я. Данилевского, теоретические положения, обобщения и выводы которого представляются исключительно полезными для осмысления текущего состояния и перспектив российской государственности с учетом складывающейся вокруг нее непростой геополитической ситуации. На этой основе должна быть фундаментально переосмыслена научная парадигма российского государствоведения, в первую очередь науки государственного (конституционного) права.

Ключевые слова: консерватизм, консервативная традиция, либерализм, цивилизация, государственность, конституция, правосознание

Цитирование: Ким Ю. В. Конституционно-правовые ценности либерализма и консервативная политическая традиция: диалектика конкурирующих парадигм. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 46–53. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-46-53>

full article

Constitutional and Legal Values of Liberalism and Conservative Political Tradition: Dialectics of Conflicting Paradigms

Yuriy V. Kim

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-7389-7670>

Yu_kim@mail.ru

Received 13 Dec 2022. Accepted after peer review 9 Jan 2023. Accepted for publication 9 Jan 2023.

Abstract: The first decade of the XXI century saw an explosive growth of conservatism in Russian government and society. This process resulted in the scientific focus on the domestic and foreign theoretical heritage in this philosophical and political-legal aspect. The question remains whether the Russian conservatism is directive or only recommendatory. At this moment, it is the current political vocabulary that is conservative, not the actual activities. The gap between the proclaimed tasks and the liberal model of the current Constitution is growing wider. The dead-end nature of the Russian political system had been obvious long before its adoption in 1993. The present study substantiates the urgent need for the development

of the scientific heritage accumulated by the domestic conservative tradition and its transformation into a program with a clear roadmap. The article focuses on the theoretical provisions, generalizations, and conclusions made by N. Ya. Danilevsky, which may be applied to the current state of Russian statehood and its prospects. The Russian state studies need a new scientific paradigm, primarily in the field of constitutional law.

Keywords: conservatism, conservative tradition, liberalism, civilization, statehood, constitution, legal consciousness

Citation: Kim Yu. V. Constitutional and Legal Values of Liberalism and Conservative Political Tradition: Dialectics of Conflicting Paradigms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 46–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-46-53>

Введение

В декабре 2022 г. исполнилось 200 лет Николаю Яковлевичу Данилевскому [4(16).12.1822], выдающемуся русскому мыслителю, кредо интеллектуальной деятельности которого невозможно определить односложно, ибо его любознательность и научно-познавательный интерес не ограничивались какой-либо отдельной, ограниченной областью. Он ярко проявил себя как естествоиспытатель и философ, как социолог и культуролог, как геополитик и публицист. Основной его труд – сочинение «Россия и Европа» (1869) – не просто актуален, а исключительно злободневен. Книга многопланова, разноаспектна и, как всякое произведение фундаментального свойства, обладает неисчерпаемой глубиной. В силу известных обстоятельств, определяющих нынешнее состояние гражданского правосознания (речь об этом несколько позднее), с ней плохо знаком наш современный читатель. Но нет сомнений, что при погружении в нее найдут себе богатую пищу для серьезных размышлений историки, антропологи, этнографы, политологи и, конечно же, государственведы.

Для государствоведов имя Н. Я. Данилевского как основоположника цивилизационного подхода к классификации государств знакомо благодаря общетеоретическим разработкам по проблемам типологии государства. Если быть точнее, то Н. Я. Данилевским выдвинута теория культурно-исторических типов человечества, согласно которой общечеловеческой цивилизации нет и не может быть по определению. Каждая цивилизация самобытна и эволюционирует по имманентным законам. Культурно-исторические типы им были выстроены хронологически, т. е. в такой последовательности, которая соответствует сведениям об их эволюционной истории: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или аравийский, 10) германо-романский, или европейский [1, с. 109–110].

Основные выводы Н. Я. Данилевского о природе цивилизации заключались в следующем:

- всякий этнос, т. е. устойчивая социальная общность, характеризующаяся наличием языкового, культурного, хозяйственного, территориального и другого единства, способная к саморазвитию, образует самобытный культурно-исторический тип;

- культурно-исторический тип способен сформироваться и развиваться как цивилизация при условии политической независимости ее народов;
- цивилизационные начала одного культурно-исторического типа не передаются другому, вместе с тем они могут взаимодействовать;
- в наибольшей степени раскрытию цивилизационного потенциала культурно-исторического типа способствует этническое разнообразие народа, не поглощаемое единым политическим началом и подкрепляемое федерацией или иной адекватной политической системой государства.

В отличие от большинства славянофилов, веривших в мессианские задачи русского народа, Н. Я. Данилевский отрицал возможность существенного влияния славяно-русской цивилизации на западную и другие цивилизации. Вместе с тем он полагал, что будущее – за славянской (русской) цивилизацией, приходящей на смену угасающей западной. Славянская цивилизация существенно отличается от западной: она не агрессивна, здесь общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, и формированию этих качеств в значительной степени способствовало православие. У России два неравноценных пути: либо она будет наращивать свой цивилизационный потенциал, либо она утратит свою самоценность, будучи поглощенной другими цивилизациями [1, с. 113–114].

Сегодня творческое наследие Н. Я. Данилевского, созданное полтора столетия назад, не только не утратило своей актуальности, но и обретает особую значимость, в том числе и для науки конституционного права. Теоретические положения, обобщения и выводы ученого представляются исключительно полезными для осмысления текущего состояния российской государственности и перспектив ее дальнейшего развития с учетом складывающейся вокруг нее непростой геополитической ситуации.

К слову сказать, истоки современного противостояния России и т. н. коллективного Запада на фоне украинского кризиса Н. Я. Данилевским были фундаментально обоснованы именно в названном сочинении. Неприязнь Европы по отношению к России запрограммирована генетически и имеет не ситуативный, а перманентный характер. Он писал о том, что Европа видит в России не просто чуждое, но враждебное начало. Европа инстинктивно чувствует

ее внутреннюю силу и исходящую отсюда угрозу своим геополитическим и прочим фундаментальным интересам. Необходимость осмысления Россией своей судьбы и роли как самостоятельной цивилизации вытекает из констатации очевидного факта: она слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место только лишь одного из членов европейской семьи, быть одной из великих европейских держав [1, с. 65–69]. Таким образом, Н. Я. Данилевский видел в противостоянии России и Европы экзистенциальный конфликт цивилизаций, когда идет неприкрытая битва на уничтожение. Как видим, правота предсказаний автора подтвердилась неоднократно со всей ее драматичной очевидностью.

Интерес к творчеству Н. Я. Данилевского мотивирован также и тем, что он является одним из ярчайших представителей консервативного крыла отечественной философской и государствоведческой мысли, наряду с такими видными учеными, как Н. Н. Алексеев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров и др.

Демонстрируемая с начала нулевых годов XXI в. приверженность руководства страны консервативной идее делает закономерным обращение к научному наследию, созданному представителями данного направления.

Современный кризис правосознания: материалы

Одной из наиболее злободневных и острейших проблем государственно-правовой жизни современности является разрастающийся в планетарном масштабе кризис правосознания вкупе со все явственнее обозначающимся кризисом российского конституционализма. Уточним, что кризис правосознания в России не есть явление локальное. Он представляет собой специфическое преломление в условиях российской государственности глобального кризиса западной традиции права и западного правосознания, берущих свое начало в XVIII в. Выявлено данное обстоятельство еще в начале XX в. [2–4] и находит свое подтверждение в исследованиях последнего времени [5–11]. Известный американский юрист Г. Дж. Берман характеризует его именно как всеобщий кризис западной традиции права, зародившейся в конце XI в. Он разворачивался поэтапно, воплощаясь в кризис секуляризма начиная с XVI в., в кризис либерализма – с XVII в.; кризис индивидуализма – с XVIII в., вылившийся в конечном счете не просто в кризис философии права, но и в кризис самого права. Последнее, все более теряя моральные начала, входящие к с своим первоистокам – праву каноническому, становится более утилитарным, фрагментированным, субъективным, больше заботится об удовлетворении текущих и переходящих потребительских запросов общества, нежели чем о преэминентности логики права, генерируемой традицией. «Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться» [4, с. 53].

Внутренняя динамика правосознания общества, периодически претерпевающая кризисные состояния, глубоко раскрыта И. А. Ильиным, его умозаключения созвучны с выводами Г. Дж. Бермана. Человечество наталкивается на эти кризисы тогда, когда право из фундаментальной предпосылки государственности и его правового уклада превращается в инструмент, приспособляемый для удовлетворения узкокорыстных и конъюнктурных задач. В основе такого расклада вещей – безыдейность власти, утрата ее авторитета в глазах социально и ментально распадающегося общества, внутренние и внешние войны. Опять же, периодически обнаруживается, что и право, и государство приняли несвойственные им функции и формы, которые вырождаются в процессе своего функционирования и эволюции. Между тем с признанием факта кризисного развития событий не приходит отчетливое понимание того, как из этого всего выбираться [12, с. 540–541].

Кризис российского правосознания обусловлен не только близостью русского права к романо-германской семье, но и известной восприимчивостью отечественной политической и правовой культуры к западному опыту государственного строительства, получившего название *западничества* (Н. Н. Алексеев) [13, с. 140], или же, как образно выразился Н. Я. Данилевский, «европейничания – болезни русской жизни» [1, с. 315]. Болезнь эта, поразившая общественное сознание России в первой четверти XVIII в., проявлялась в следующих формах:

- 1) замещении и деформации социальной и культурной среды посредством внедрения в нее чуждых, иноземных форм народного быта во всех его проявлениях, включая и внешний облик, и образ жизни;
- 2) устремленности к слепому, некритическому заимствованию зарубежных институтов и учреждений и воспроизводству их в отечественных условиях;
- 3) восприятию и оценке вопросов национального образа жизни, государственной политики, как внутренней, так и внешней, сквозь «европейские очки» и нацеленности на их перекройку на европейский лад [1, с. 320–322].

Симптомы болезни «европейничания» он объяснял слабостью и немощью народного духа в высших образованных слоях русского общества. Болезнь эта, по убеждению Н. Я. Данилевского, не только препятствует в целом раскрытию созидательного потенциала и осуществлению великих судеб русского народа, но и подводит его к точке саморазрушения [1, с. 359].

У Н. Н. Алексеева склонность отечественных правоведов и реформаторов к подражательству, некритическому, слепому заимствованию либеральных политико-правовых взглядов и опыта получила название *западничества*, характеризовавшегося в целом теми же чертами, которые были отмечены Н. Я. Данилевским [13, с. 139–140].

Нетрудно заметить, что оценки относительно той исторической эпохи, где берет начало современный кризис правосознания, со стороны российских и западных правоведов примерно совпадают. И. А. Ильин, П. И. Новгородцев

связывали его с эпохой французской революции конца XVIII в., которая явилась переломным событием не только в истории Франции, но и всего человечества. Она ознаменовалась небывалым всплеском популярности и распространением либеральных политико-правовых идей европейского Просвещения в XVIII в. (правового государства, народного суверенитета, разделения властей, прав человека) и последовавшим вслед за этим глубоким разочарованием в XIX в.

По наблюдениям П. И. Новгородцева, опыт государственно-правового развития в XIX в. обнаружил условность и нежизнеспособность схем, конструируемых на основе названных идей и казавшихся привлекательными благодаря своей «изящной простоте». На самом деле идеальные начала правового государства не только не способствовали наступлению ожидавшейся полной гармонии, но и выявили свой внутренний антагонизм и абсолютную нереальность [14, с. 28]. По мере того, как накапливался опыт демократии, последняя также все больше стала подвергаться строгой критике. Политическая теория постепенно отказывается от фетиша демократии, снимая с нее ореол чуть ли не ниспосланного свыше откровения, раскрывающего высшую и конечную форму, в которой политическое развитие достигает предельной точки. При этом выявились как чрезвычайная трудность осуществления демократической идеи, так и одновременно величайшая легкость ее искажений [15, с. 540–541]. П. И. Новгородцев степень отдаленности современных демократий от демократического идеала соотносил с вопросом о том, в какой мере фактически действительно народовластие. На самом деле в демократиях естественным и закономерным образом над народными массами всегда выдвигались немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь. «Это давно замеченное и притом совершенно естественное явление, что демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих» [15, с. 549–550]. В свою очередь Н. Н. Алексеев, основываясь на собственном анализе эволюции политических режимов и форм правления, резонно подметил: «Фактически все известные нам государства были олигархиями и вообще не существовало никакого иного государства, кроме *олигархического*» [13, с. 545].

В названных произведениях не только подверглись фундаментальному рассмотрению идейно-теоретические основы политико-правовых доктрин либерализма, но и обозначены перспективные направления выхода из тупиковой траектории развития отечественной государственности и системы права. Они предполагали ориентированность не на формально-правовое, сугубо институциональное оформление неких ценностных установок и благородных устремлений общества, идеалов добра и справедливости

и проч. Это своеобразное проявление номинализма¹ в кризисно развертывающемся правовом сознании, выражающееся в широком прокламировании метафор (свобода, равенство, братство и т. д.), улаждающим слух, но не способствующим решению злободневных проблем. Именно на их основе в последующем массивно продуцируются конституционно-правовые фикции – категории, широко употребляемые, но отличающиеся значительной смысловой неопределенностью (подлинная демократия, настоящий федерализм, народный и национальный, а также судебный, технологический, финансовый и прочие суверенитеты, классический конституционализм, правовое, или же социальное, государство и т. д.).

Уже на подходе к началу XX в. со всей очевидностью приходит осознание того, что «вера в идеал либерализма уже стала невозможной» [16, с. 326]. Она была основана на ложном учении о человеческой природе, при игнорировании ее явных и скрытых иррациональных сторон. Улетучивается слепая вера в конституции и парламентаризм, воспринимавшиеся поначалу как панацея от всех зол. Наступление эры конституционализма и парламентаризма признавалось как неизбежность, но их полезность также оказалась относительной. Ведь все политические начала относительны, и ни одно из них не может иметь исключительного значения, тем более рассматриваться в качестве единственного спасительного средства. «Вера в конституцию – жалкая вера. Конституции можно устраивать согласно требованиям исторического дня, но верить в них бессмысленно. <... > Правовое государство – вещь очень относительная» [16, с. 326–327].

Н. А. Бердяев принадлежал к консервативному крылу российской философско-правовой науки. Его современник Б. Н. Чичерин занимал промежуточное положение между консервативным и либеральным течениями, но более тяготел к последнему, хотя свою идейную платформу характеризовал как «разумный и либеральный консерватизм» [17, с. 202]. Вместе с тем его оценки и суждения по существу совпадали: «Как будто изменением статей Свода Законов, да сменой нескольких администраторов, да еще новым и новым разглагольствием возможно обновить Россию! Мы ищем лекарства не там, где оно находится. И корень зла, и средства врачевания лежат не в учреждениях, не во внешних условиях, а в нас самих» [17, с. 202] (*прим.* – выделено нами).

Заметим, что сегодня, даже в либерально ориентированной литературе Запада, критические оценки опыта осуществления политико-правовых принципов либерализма получают широкое распространение. В этом отношении взгляды и либералов, и консерваторов, и отечественных, и западных, начали сближаться довольно давно. Они основываются на реалистичной оценке действительного потенциала правовых

¹ Номинализм – философское учение, отрицающее онтологическое значение универсалий (общих понятий), т. е. утверждающее, что универсалии существуют не в действительности, а только в мышлении. «Современный номинализм в логике рассматривает абстракции как "символические фикции" – термины, смысл которых определяется контекстом, а употребление служит своего рода сокращающим приемом для формулировки вполне осмысленных утверждений о реальных объектах, особенно в тех случаях, когда этих объектов бесконечно много» [Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 440].

институтов и учреждений, как правило, уступающих по своей влиятельности абсолютизму политического государства. О. Шпенглер, немецкий историкософ, публицист консервативно-националистического направления, писал о том, что демократической традиции свойственно то, что те, кто творил популистские конституции – и античные, и Нового времени, – не представляли себе, как на самом деле будут действовать их «проекты», поскольку они были измышлены, причем не на основе глубокого знания людей и вещей, но из абстрактных представлений о праве и справедливости. Политический опыт убедительно показывает, что «права народа и влияние народа – вещи разные. Чем более всеобщим делается избирательное право, тем ничтожнее власть электората. <...> Чистой теорией остается также и идеальное фундаментальное право западноевропейских конституций, а именно право масс свободно определять своих представителей» [18, с. 484–485], ибо развитая политическая система самодостаточна и самовосполняема.

Выдающийся британский экономист, лауреат Нобелевской премии (1974) Фридрих Август фон Хайек, сторонник классического либерализма, заметил, что на Западе закон как источник права утратил свое былое значение особого, универсального акта, предотвращающего несправедливое поведение вне зависимости от того, от кого оно исходит, включая самих законодателей и правительство. То, что современные законодатели располагают совершенно не ограниченной законом властью, привело к образованию самодовлеющего и склонного к произволу механизма власти, по преимуществу ориентированного на удовлетворение внутренних запросов. Такую форму демократии он считал саморазрушительной и нуждающейся в защите от самой себя» [19, с. 471].

Следует подчеркнуть при этом, что отечественными правоведами – как либерального (П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин и др.), так и консервативного (Н. Н. Алексеев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др.) направлений – симптомы глубокого кризиса правосознания были выявлены раньше, чем это обнаружено представителями либерального течения на Западе. Сочинение П. И. Новгородцева «Введение в философию права. Кризис правосознания» вышло в свет в 1908 г. Правда, современный читатель увидел его только в 1996 г. благодаря публикации, подготовленной Институтом государства и права РАН. Труд Н. А. Бердяева «Философия неравенства» опубликован в 1918 г. [16]. Публичная речь И. А. Ильина о проблемах современного правосознания, произнесенная в Берлине в феврале 1923 г. [2], легла в последующем в основу его классического труда «О сущности правосознания», изданного в Мюнхене в 1956 г. уже после его смерти (1954).

Результаты

В начале Новейшего времени как отечественными, так и европейскими прогрессивными мыслителями-государствоведами была с достаточной убедительностью выявлена глубина кризиса европейского правосознания, его действительные идейно-теоретические и исторические

предпосылки. Между тем он активно укоренялся в ментальности российского общества, увлеченного просветительскими идеями и склонного к упрощенному их восприятию и слепому заимствованию. Масштабное проникновение политико-правовых начал западного либерализма в российскую государственность было приостановлено переходом к строительству советской политической системы. Этот процесс был всего лишь отложен и возобновился с крушением Союза ССР и приходом к управлению страной новой либерально настроенной политической элиты, не знакомой всерьез с тем опытом конституционного строительства и демократии, который на Западе постигался и переосмысливался на протяжении целого столетия.

У современного кризиса российского правосознания – двойной источник. С одной стороны, его корни уходят вглубь отечественной государственной истории, на всем протяжении которой наблюдалась общая отсталость правовой культуры и пренебрежение ее ценностями (законностью, правами и свободами граждан, верностью служебному долгу и т.д.). С другой – незрелая правовая культура являлась питательной почвой для паразитирования доктринерства, выхолащивающего государственную действительность и склоняющегося к конструированию упрощенных схем. С этим феноменом практика отечественного конституционного строительства современности сталкивается чуть ли не повседневно.

С сожалением приходится констатировать, что отечественная наука государственного (конституционного) права в период, предшествующий разработке и принятию Конституции РФ 1993 г., не сумела усвоить и осмыслить должным образом теоретическое наследие передового отечественного и западного государственоведения второй половины XIX – первой половины XX в. Тем более не был ментально готов к адекватному восприятию историко-правового момента конституционный законодатель, для которого чуть ли не откровением явились просветительские идеи более чем двухвековой давности. Они, собственно говоря, и послужили идеологической подпоркой основ конституционного строя, придавшим Конституции очевидную либеральную направленность. Либеральный дух Конституции соответствующим образом выстраивал систему координат не только для государственно-правового развития, но и государствоведческих исследований, включая науку конституционного права. Получается, что в Основной закон, призванный способствовать преодолению системного кризиса государственности, разразившегося на переломе отечественной политической истории, был изначально внедрен культурный код кризисного правосознания.

Правосознание, включая и конституционное правовое сознание, детерминируемое факторами мировоззренческого, общекультурного порядка, самым непосредственным образом сказывается на уровне и стилистике разрешения проблем государственного и конституционного строительства. И в нынешних условиях в этой области дела, как можно увидеть невооруженным глазом, складываются

не самым блестящим образом, что в очередной раз явственно было продемонстрировано в ходе т.н. конституционной реформы 2020 г. [20; 21].

О. Е. Кутафин, размышляя о современном российском конституционализме, называл его мнимым, отличающимся «неустойчивостью, возможностью обращения вспять, очевидной вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность – авторитаризм» [22, с. 42]. Фундаментальные причины кризисного состояния конституционализма он видел в расхождении между конституционными принципами и нормами (народовластие, верховенство права, незыблемость прав и обязанностей личности, разделение властей, политический плюрализм, самостоятельность местного самоуправления, многообразие форм экономической деятельности и проч.), кризисных процессах в экономике, либеральных реформах, беспрецедентном социальном расслоении общества, в недостатках, «связанных с подготовкой ее в качестве документа, призванного обеспечить всевластие Б. Н. Ельцина» [22, с. 146–147]. Важнейшей особенностью российского конституционализма О. Е. Кутафин справедливо называл отсутствие широкой социальной опоры ввиду растущего среднего класса с присущими ему политическими интересами. Носителями конституционной идеологии являлись, как правило, представители тех или иных элитных групп, апеллирующих время от времени к Конституции, исходя из нюансов текущей политической повестки [22, с. 147].

Сегодня понятие конституционализма характеризуется, как и многие упомянутые ранее фундаментальные категории государственного управления, известной смысловой многозначностью. Оно активно разрабатывается и правоведами, и политологами, и философами. Остается открытым вопрос об объеме (границах) и содержании (глубине) этого понятия, подобно тому, как в общеполитическом плане остается неразрешенной проблема о пределах государственного регулирования, или же – в конституционно-правовом смысле – нескончаемо дискутируемой является тема объекта / предмета конституционного и конституционно-правового регулирования.

Очевидно, что сложившееся положение дел с отечественной моделью конституционализма и практикой конституционного строительства диссонирует с публичными высказываниями Президента РФ В. В. Путина о тяготении российского общества к консервативным ценностям и традициям, необходимости соответствующего переосмысления траектории государственного развития. И эти суждения, по сути, имеют директивный характер, поскольку сформулированы главой государства в ряде официальных документов стратегического планирования².

К настоящему времени только лишь обозначилась направленность предстоящего движения, сделаны очень приблизительные наброски. Пока что консервативно-ориентированными являются лексика, а не практические шаги в сфере государственного строительства. Между тем настоятельно необходимой видится глубокая и системная работа по освоению и трансформации в программу конкретных шагов интеллектуальных накоплений, сделанных в рамках отечественной консервативной традиции. А они на самом деле масштабны и глубоки. Подчас предпринимаемые в этой области шаги ничего, кроме недоумения, не вызывают. Обратимся к опубликованному недавно Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³. Традиционные ценности, как отмечено в Указе, – это *нравственные ориентиры*, формирующие мировоззрение граждан России, *передаваемые от поколения к поколению*, лежащие в основе *общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны*, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое *уникальное, самобытное* проявление в *духовном, историческом и культурном развитии* многонационального народа России (п. 4). Сформулированные в приведенной норме положения как бы подготавливают почву для объявления давно ожидавшихся в обществе неких сакральных по своему звучанию и назначению идеологем, причем явно консервативного толка. Но ко всеобщему удивлению этого не произошло. К традиционным ценностям Указ относит *жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд*, приоритет духовного над материальным, *гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России* (п. 5).

Но дело в том, что многие из названных ценностей, такие как *жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, взаимоуважение* и др., имеют либеральную идейную основу и являются ключевыми в манифестах и идейных платформах мирового движения либералов (Оксфордский манифест, выработанный в апреле 1947 г. представителями 19 либеральных политических партий на Wadham College в Оксфорде, и последующие его редакции, составленные в 1997 г. (Либеральная программа для 21 в.) и 2017 г. (Либеральный манифест 2017 г.)).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ от 09.11.2022. № 809. *Собрание законодательства РФ*. 2022. № 46. Ст. 7977.

³ Какую Россию мы строим. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000. *Российская газета*. 2000. № 133; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007. *Российская газета*. 2007. № 90; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013. *Российская газета*. 2013. № 282.

Более того, представляется странным выведение отмеченного понятийного ряда в отдельный «каталог», который, с одной стороны, воспроизводит известные ценности, закрепленные в Конституции РФ, с другой – это далеко не полный перечень ценностно-нормативных установлений, провозглашенных Основным законом в главах 1, 2, 3.

В. В. Путин в одном из своих выступлений в очередной раз затронул тему российского консерватизма и иронично заметил, что поиск национальной идеи у нас – нечто вроде старинной национальной забавы, занятия в целом бесполезного и небезынтересного, чем «можно заниматься всегда и – бесконечно»⁴. Отношение Н. А. Бердяева к схоластическим изысканиям вокруг проблемы российского консерватизма было выражено несколько резко: «Природа консервативного начала плохо понимается не только врагами его, но и иными сторонниками его. Существует тип консерватора, который более всего сделал для компрометирования всякого консерватизма» [23, с. 541].

Заключение

В теоретико-методологическом отношении проблематика выбора адекватного инструментария для дальнейшего осмысления названных вопросов, а также перспектив развития отечественного конституционализма осложняется тем обстоятельством, что в современных условиях все большую остроту набирает потребность в корректировке, а возможно, и выработке новой парадигмы конституционно-правовой науки с соответствующей корректировкой понятийно-категориального аппарата. Такой вывод, думается, напрашивается сам по себе.

Литература / References

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. 2-е изд. М.: Благословение, 2011. 812 с. [Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. 2nd ed. Moscow: Blagoslovenie, 2011, 812. (In Russ.)] EDN: QPRIXF
2. Ильин И. А. Проблема современного правосознания. Берлин: Прессе, 1923. 32 с. [Ilyin I. A. *The problem of modern legal consciousness*. Berlin: Presse, 1923, 32. (In Russ.)]
3. Тоцкий Н. М. Кризис в науке государственного права. СПб.: Правда, 1914. 122 с. [Totsky N. M. *Crisis in the science of public law*. St. Petersburg: Pravda, 1914, 122. (In Russ.)]
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: МГУ; ИНФРА-М-NORMA, 1998. 622 с. [Berman H. J. *Law and revolution: the formation of the Western legal tradition*. 2nd ed. Moscow: MSU; INFRA-M-NORMA, 1998, 622. (In Russ.)]
5. Замосковский А. В. Кризис правосознания в России (философско-методологический аспект): дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 164 с. [Zamoskovnyi A. V. *The crisis of legal consciousness in Russia: philosophical and methodological aspect*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2004, 164. (In Russ.)] EDN: NMVUMV
6. Затонский В. А. Правовой менталитет, правосознание и правовая активность граждан в контексте повышения эффективности российской государственности. *Право и политика*. 2007. № 6. С. 122–129. [Zatonsky V. A. Legal mentality, sense of justice and legal activity of the people within the context of higher efficiency of the Russian statehood. *Pravo i politika*, 2007, (6): 122–129. (In Russ.)] EDN: HZSNWT
7. Зырянов М. Ю. Правосознание в условиях современного российского общества (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 28 с. [Zyryanov M. Yu. *Legal consciousness in the conditions of modern Russian society: social and philosophical aspect*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012, 28. (In Russ.)] EDN: ZONXIV
8. Кузнецов Э. В. Кризис современного правосознания. *Правоведение*. 1994. № 3. С. 3–10. [Kuznetsov E. V. The crisis of modern legal consciousness. *Pravovedenie*, 1994, (3): 3–10. (In Russ.)]

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 ...

По Т. Куну, парадигмы – «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [24, с. 11–12]. В рамках ли текущего реформирования Конституции или же посредством ее пересмотра будут решаться задачи совершенствования российской государственности, дальнейшее продвижение в этом направлении без переосмысления парадигмы конституционализма и разработки на широкой профессиональной основе доктрины дальнейшего государственного развития вряд ли возможно.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

9. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с. [Maltsev G. V. *The understanding of law. Approaches and problems*. Moscow: Prometei, 1999, 419. (In Russ.)]
10. Погребная Ю. К. Кризис современного российского правосознания. М.: Инфра-М, 2019. 192 с. [Pogrebnaia Yu. K. *The crisis of modern Russian legal consciousness*. Moscow: Infra-M, 2019, 192. (In Russ.)] EDN: OBEAZU
11. Самигуллин В. К. Закат права или переоценка ценностей. *Право и политика*. 2005. № 12. С. 143–151. [Samiguillin V. K. Decline of law or reassessment of values. *Pravo i politika*, 2005, (12): 143–151. (In Russ.)]
12. Ильин И. А. Теория права и государства. 2-е изд., доп. М.: Зерцало, 2008. 550 с. [Ilyin I. A. *Theory of law and state*. 2nd ed. Moscow: Zertsalo, 2008, 550. (In Russ.)] EDN: QQOKKD
13. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с. [Alekseev N. N. *Russian people and state*. Moscow: Agraf, 1998, 635. (In Russ.)]
14. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань, 2000. 352 с. [Novgorodtsev P. I. *Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal consciousness*. St. Petersburg: Lan, 2000, 352. (In Russ.)]
15. Новгородцев П. И. Демократия на распутье. In: Новгородцев П. И. *Об общественном идеале*. М.: Пресса, 1991. С. 540–558. [Novgorodtsev P. I. Democracy at a crossroads. In: Novgorodtsev P. I. *The social ideal*. Moscow, 1991, 540–558. (In Russ.)]
16. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. 624 с. [Berdyayev N. A. *Philosophy of inequality*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012, 624. (In Russ.)] EDN: QXEFVZ
17. Чичерин Б. Н. Политический вопрос в России. *Российский военный сборник. Вып. 2. Русские мыслители о национально-государственном развитии России (1861–1940 гг.)*. Т. 1: Россия накануне двадцатого столетия. Ч. 1: Государственная наука и политика России в творческом наследии Б. Н. Чичерина, сост. Ю. Т. Белов, И. В. Домнин. М.: ГА ВС, 1992. С. 195–228. [Chicherin B. N. Political issue in Russia. *Russian military collection. Iss. 2. Russian thinkers about the national-state development of Russia (1861–1940)*. Vol. 1: Russia on the eve of the twentieth century. Pt. 1: State science and politics of Russia in the creative heritage of B. N. Chicherin, comps. Belov Iu. T., Domnin I. V. Moscow: HA AF, 1992, 195–228. (In Russ.)]
18. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с. [Spengler O. *Decline of the West: essays on the morphology of world history*. Vol. 2: Perspectives in world history. Moscow: Mysl, 1998, 606. (In Russ.)]
19. Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 642 с. [Hayek F. A. von. *Law, legislation and liberty: a new statement of the liberal principles of justice and political economy*. Moscow: IRISSEN, 2006, 642. (In Russ.)] EDN: QXVJUZ
20. Ким Ю. В. О некоторых итогах очередного этапа новеллизации Конституции России: доктринальный и юридико-герменевтический анализ. *Конституционная реформа в России 2020 года: политическое и правовое значение*: Всеросс. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Краснодар, 4 декабря 2020 г.) Краснодар: КубГУ, 2021. С. 56–61. [Kim Yu. V. Some results of the next stage of the novelization of the Russian Constitution: a doctrinal and legal-hermeneutical analysis. *Constitutional reform in Russia in 2020: political and legal significance*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Krasnodar, 4 Dec 2020. Krasnodar: KubSU, 2021, 56–61. (In Russ.)] EDN: ONDGFM
21. Ким Ю. В. А была ли реформа: к вопросу о правовом значении поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2022. Т. 8. № 1. С. 136–151. [Kim Yu. V. Was there a reform: to the question of the legal significance of the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2022, 8(1): 136–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-136-151>
22. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 542 с. [Kutafin O. E. *Russian constitutionalism*. Moscow: Norma, 2008, 542. (In Russ.)] EDN: SDQPLV
23. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: АСТ, 2007. 699 с. [Berdyayev N. A. *The philosophy of freedom*. Moscow: AST, 2007, 699. (In Russ.)] EDN: QWQHHLH
24. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с. [Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Moscow: AST, 2009, 317. (In Russ.)] EDN: QWUSZD